

© 2009 г

КРИЗИС И СОЦИОЛОГИЯ

О. Н. ЯНИЦКИЙ

От редакции. Статьи, публикуемые в рубрике, продолжают разговор об эффективности взаимодействия социологии с обществом, политической властью, возможностях и перспективах публичной социологии, начатый журналом в предыдущем номере. Эту проблему редакция выносит на обсуждение очередных Харчевских чтений в октябре 2009 г. Приглашаем читателей и авторов журнала к участию в ее обсуждении.

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Института социологии РАН.

Аннотация: Глобальный кризис - это вызов социологии, но реакция социологов России на него - вялая. В статье рассматриваются причины такой реакции: развал социальной прогностики, утрата интереса к проблематике "длинных волн" капитализма, некритическое принятие либеральной идеологии. Предлагается развернуть дискуссию по этому кругу проблем и консолидировать интеллектуальные ресурсы российского социологического сообщества на их исследовании.

Ключевые слова: консолидация интеллектуальных сил - кризис - социология - модернизация - идеология потребительская - прогностика - инструментарий теоретический

Мировой финансово-экономический кризис не обошел стороной Россию. Между тем, реакция на него нашего социологического сообщества, не в пример экономистам и политикам, достаточно вялая. Есть уже результаты стандартных опросов по схеме "лучше-хуже", есть некоторые работы, сравнивающие кризис 1998 г. и нынешний, и, наконец, есть некоторые идеи насчет возможных сценариев кризиса (Сатаров). На 3-м Всероссийском социологическом конгрессе, когда кризис уже был очевиден, не было ни доклада, ни дискуссии о нем. Приходится признать, что для теоретической социологии, может быть, за исключением работ А. Здравомыслова, это вопрос новый. Или неактуальный?

Чем объяснить, что при далеко не благополучной истории с периодическими провалами и распадами, при вечной установке "догнать и перегнать" - российской социологией утерян интерес к будущему? Этому есть одно объяснение: полное подчинение "текущему моменту" или ближайшему будущему, которое властью и большинством населения мыслится, как экстраполяция настоящего. Потребителю нужны свежие

(лучше скандальные) новости в социологической упаковке. Поэтому комментировать, что было вчера, - милое дело. Своего рода "интерактив", близкий к шоу. Моменты осмысления и "радикального сомнения" (У. Бек), тем более - прогноз и возможные сценарии развития полностью элиминированы. По существу это значит, что российская социология отсечена от "творения истории".

Не оценивая ситуацию в нашей науке в целом, все же выскажу некоторые соображения. Актуален для нее этот вопрос потому, что впервые все общество: и богатые, и бедные почувствовало тяжелую пятау глобализации, от которой не уйти. Россия включена в систему, которая периодически испытывала и будет испытывать кризисы. Если за три месяца кризиса Россия утратила 20% резервов [1], нетрудно подсчитать, когда она почувствует эту тяжесть в полной мере.

Что не так в социологии. Здесь без знания социальной философии или социологии истории не обойтись. Общества готовятся к кризису по-разному: одни меняют законодательную базу и совершенствуют институты общества и государства, другие закрывают границы, вводят протекционистские меры, третьи вооружаются, подавляют демократические институты, четвертые диверсифицируют экономику и поддерживают университеты. Итак, две философии и две стратегии: готовиться к кризису, изменяя себя, или пытаться его избежать, сохраняя всеми силами status quo. Мы делали последнее и, как выясняется, не лучшим образом: мало что не готовили людей к кризису. Мы копили "подушку безопасности" и культивировали веру масс, что "у нас не может быть плохо". Видимо, у новой, сконструированной в начале 1990-х гг. экономической системы нет "исторической памяти", хотя был дефолт 1998 г. Мы надеялись догнать Запад, перенимая его методы, но не сознавая, что тем самым перенимаем его риски и увеличиваем свои.

В этом отношении интересна работа В. А. Ядова 2002 г. "Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества". Исходя из тезиса, что сегодня "предлагать сценарии будущего российского общества вряд ли кто осмелится" (!), автор перечислив факторы, которые "было бы разумно учитывать в построении прогнозных сценариев" (особенности институтов, субъектов социальных изменений и российского характера - Ядов делает ударение на "поколенческой когорте нынешней молодежи"), заключает, что "российское общество находится на пороге завершения переходного периода", что "люди начинают чувствовать себя увереннее, а это признак выхода из социального кризиса". Однако несколькими страницами ранее автор солидаризируется с точкой зрения Р. Коуза, Д. Норта и Э. Гидденса, согласно которой нормой является "постоянная трансформация социальных институтов как реакция на динамизм эпохи". Ядов солидаризируется и с идеей И. К. Пантина о необходимости "стратегии опережающего развития" в смысле упреждения кризисных ситуаций" [2, С. 349, 351 - 362]. Вопрос: кто и как будет строить эти сценарии опережающего развития, остается открытым.

Между тем, западные социологи "рискуют" строить если не сценарии, то прогнозы. Как предупреждал И. Валлерстайн, опиравшийся на работы Н. К. Кондратьева, период с 1990 по 2025 - 2050 гг. "будет характеризоваться недостатком мира, стабильности и законности". Конкретно, полагал Валлерстайн, произойдет замедление производства, снижение доходов населения и увеличение безработицы, "рост военных расходов, оправдываемых не столько действительно военными потребностями, сколько созданием противочиклического спроса, рост теневой экономики, финансовый кризис в господствующей стране (то есть в США), рост международной напряженности, валютная нестабильность в мире, сокращение производства дешевых продуктов питания, усиление нелегальной миграции" [3, С. 32].

Но были и более близкие предупреждения. И экономисты, и граждане всегда оценивали риски того или иного своего шага. В экономической науке рискологические исследования велись с середины XIX века, в социологии - последние тридцать лет. Работы У. Бека в России широко известны. В Институте социологии РАН эти исследования ведутся более 20 лет под руководством А. В. Мозговой. Мною рассматривались

стадии нарастания риска и его предельный ("критический") случай [4]. И что же? - А ничего. Оказывается, книги и переводы западных авторов - это одно, а то, что власть и люди делают, - совсем другое. В лучшем случае анализировались социальные конфликты. Но откройте любую монографию, газету, журнал, пишущие на экономические темы. Риск, степень риска - ключевые темы. Почему социология оказалась столь глухой к проблематике риска как неустраняемого элемента социальной динамики? У меня есть только одно объяснение: социологи столь уверовали в либеральную модель, что даже ее теневые стороны, неоднократно проанализированные западными и нашими авторами, рассматривать не хотели. Иными словами, заповедь научного анализа - подвергать сомнению любую гипотезу, а тем более идеологическую доктрину, российскими социологами забыта. Можно сколько угодно иронизировать по поводу убогости "российского обывателя", уподобляя его роботу, но анализировать макротренды российского общества никто не хотел. Я исключаю редкие случаи, когда "Литературная газета" и другие открывали дискуссии по этому поводу. Но в них речь шла об интерпретации прошлого или о вопиющих "случаях" (коррупции, нарушения права человека и др.), которые, впрочем, давали достаточно пищи размышлениям о будущем.

У западных коллег позиция несколько другая, ближе к реальности. Д. Смит, главный редактор журнала "Current Sociology": "как политически и социологически интерпретировать такие мощные силы как алчность, страх и ярость". И - прогноз: "Борьба за обладание большим постепенно будет вытесняться борьбой за сохранение того, что уже есть, которая, в свою очередь, ..постепенно превратится в основополагающую борьбу за выживание. Эта борьба уже стала главной для бедняков. Раньше или позже, относительно богатые окажутся в той же лодке" [5, Рр. 347, 349].

А вот мнение современных российских экономистов: наша экономика - "это экономика иждивенчества. Ее следствиями стали укоренение в обществе привычки жить в долг, апология потребительства, разрастание перераспределительных функций власти, рост коррупции и формирование среднего класса не из представителей малого и среднего бизнеса и профессионалов-менеджеров, а из числа лиц, причастных к распределению бюджета и нефтегазовой ренты" [6]. Потребительское общество всегда живет в долг, не по средствам, не по вкладу, который оно вносит в реальный сектор ее производительных сил. В результате гигантски выросла зависимость от импорта. За семь лет кредиты физическим лицам выросли в 75 раз, внешний долг - до 500 млрд. долл.! Но если в развитых странах производительность труда растет примерно с той же скоростью, что и потребление, в России этого нет. Некоторые теоретики прямо называют нашу экономику "раздаточной", по существу директивной или волонтаристской, - без обратной связи. Принцип сдаточно-раздаточных отношений: "от каждого - по-дати, каждому - по чину". Основополагающим "элементом институционального ядра раздаточной экономики России является институт раздачи материальных условий для жизнеобеспечения населения страны... Раздаток является клеткой социально-экономического организма раздаточной системы, подобно тому как товар является слепком товарно-денежных отношений и рыночной системы" [7, С. 10, 37 - 38]. Если раздача денег, которая осуществляется администрацией страны, один из главных механизмов предотвращения кризиса, то социология как наука здесь лишняя. И тут мы подходим к главному вопросу: все ли в порядке в нашем собственном инструментарии, не утеряти мы чего-то важного?

Да, утеряти. Одной из причин игнорирования нашей социологией цикличности развития капиталистического общества через взлеты и падения было *изживание социальной прогностики*. То, чем бурно занимался в течение многих лет И. В. Бестужев-Лада, не оставило и следа. Одну из причин я вижу в монодисциплинарности советской прогностики. Принцип и суть всякого прогноза - междисциплинарный подход. Мир становится более взаимозависимым, и социология должна строить прогнозы, прежде всего, опираясь на данные экономической и других смежных наук. Я согласен с В. Радаевым, что "если мы хотим теснее связать свои интересы с интересами практиков, нам придется учиться работать на *предсказательном* уровне", учиться "не только описывать

прошедшее и настоящее, но и предсказывать будущее, не теряя при этом специфики собственных инструментов". И это касается необходимости интеграции трех основных практик внутри социологии: фундаментальных исследований, образования и прикладных исследований и разработок [8, С. 14, 17, 19].

Единственное, с чем согласиться не могу, это с тезисом Радаева о необходимости отделения мировоззренческих систем от операциональных теорий. Американцы сначала потратили половину своего стабилизационного фонда на поддержку банковской системы, а потом повернули на 180 градусов, став кредитовать непосредственно население, сберегая *человеческий капитал*. Разве это не сигнал, что либеральная модель требует, как минимум, коррекции, потому что не соответствует интересам миллионов граждан? Еще раз подчеркну: нынешний российский кризис - результат бездумного следования догмам ультралиберализма. А о чем говорят наши политические лидеры и флагманы бизнеса? О новой архитектуре глобального миропорядка. Это ли не призыв к пересмотру парадигмы?

Длительный опыт работы научил меня, что проще и надежней все делать самому, выстраивая полный цикл исследования: от мировоззрения через теорию до тестирования полученных эмпирических результатов практикой, коей для теоретика является оценка и критика его выводов со стороны общественности, профессиональной и гражданской. О необходимости уменьшать *социально интерпретировать* данные смежных наук я уже говорил не раз. Пора каждое экономически значимое решение переводить на язык его социальной и экологической *цены*. Если законодатели и чиновники этого не делают, то это должны уметь делать мы. Когда власти говорят, что при кризисе нужна помощь "системообразующим банкам", то каждый житель по крайней мере должен понимать, чем это именно для него обернется.

Итак, не интересуясь тем, что говорят экономисты и представители других смежных наук, российская социология проспала экономический кризис, о котором предупреждали уже как минимум пять лет. Такова цена ее отказа от междисциплинарности.

Позиция большого бизнеса. Правительство РФ уже обнародовало и реализует "приоритеты спасения". Это - системообразующие банки, ОПК, строительство, машиностроение и сельское хозяйство. План предусматривает также поддержку инвестиционных программ естественных монополий, государственных корпораций и малого бизнеса. Если к тому же правительство определило, кому именно и как помогать (бизнесмены называют это "режимом ручного управления кризисом"), то к коллегам, проводящим массовые опросы, у меня возникают вопросы.

Какой смысл проводить опросы по существующим методикам, если заранее ясно, что работники крупных корпораций, включенных в список приоритетных отраслей, будут в выигрыше или по крайней мере будут жить не хуже, а те, кто остался вне этого списка, например, наука, медицина и образование, которые являются моторами и необходимыми условиями рывка модернизации, значительно хуже? Как пишут специалисты, доля расходов на науку в бюджете 2006 г. была меньше чем в 1992 г., а число научных работников за тот же период сократилось более чем вдвое [6, С. А04].

Кризис несомненно закончится, но "выздоровление" не может быть иначе, как "точечным". Что тогда дает нам, профессионалам, и массовому читателю очередное измерение "средней температуры по госпиталю", когда одни, получив многомиллиардные субсидии на сохранение своего бизнеса, могут отправляться лечиться в лучшие клиники Европы, а другие все еще будут ждать приезда фельдшера из соседнего района? Причем, как утверждают специалисты, в отличие от правительственной Программы-2020, в которой делалась ставка на инновационную экономику, "список самых опекаемых отраслей совпадает со списком самых неэффективных" [9, С. А01]. Но наш крупный бизнес смотрит дальше, глобально, полагая, что вообще мы переходим к новому этапу (фазе) развития мировой экономики. Как говорит известный бизнесмен М. Прохоров, "резкое изменение среды обитания" и условий в мировой экономике уже произошло. "Глобализация незаметно привнесла новые правила игры, которые снесли старые устойчивые экономические системы и создали мировую болезнь - недоверие", стр. 6

которая из экономики перешла на социальные и политические отношения. "Поэтому главная задача текущего момента - это создание новой системы доверия - как в мировой экономике, так и в отдельно взятой стране". Отсюда, "не надо спасать то, что спасти нельзя: старой доброй экономики уже не будет ни на Западе, ни у нас. Будут новые правила игры, отношение стоимости денег к активам, оценка конкурентных преимуществ, мультипликаторы и риски" [10, С. А05]. Кто и когда определил, чего спасти уже нельзя и чего трогать не надо? Двадцать лет мы жили по принципу "выживания-отмирания". Уже сегодня, по некоторым подсчетам, в стране ежегодно пропадает без вести около 100 тыс. человек! А если каких-то предприятий спасти нельзя, что будет с работниками на местах? С их семьями? В малых городах и поселках, если закрывается единственное градообразующее предприятие, ситуация становится катастрофической. Насколько тогда возрастет эта цифра "исчезнувших"? Причем не только физически, но интеллектуально.

Хотелось бы спросить коллег: вы понимаете масштаб проблемы, или же цена вопроса вас опять не интересует? А еще Прохоров придает важнейшее значение именно *среде обитания*: созданию среды, благоприятной для экспансии "российского капитала в первую очередь на рынке развивающихся стран" и современной инфраструктуры здесь, в России (дороги, жилье, современные города). Но это - совсем не та среда, состояние которой в малых городах и поселках близко к катастрофическому. Кризис, конечно, несет в себе и позитивный импульс, подталкивая людей к обучению и переобучению, прежде всего в сфере управления финансами и экономикой. Причем это касается тех, кто остается, так и тех, кого уволили или кто ожидает сокращения. Но, как рекомендуют специалисты, желательно не уходить далеко от своей профессиональной ниши, но увидеть ее в новом ракурсе [11, С. А07]. Как это ее "увидеть в новом ракурсе", если останавливаются целые заводы?

Наконец, большой бизнес говорит: "Академически правильные решения в экстремальных условиях не работают - решения должны быть просты, всем понятны, комплексно связаны между собой и реализовываться быстро и одновременно.." [10, С. А05]. Все верно: ученых надо было слушать раньше, тогда сегодня можно было иметь на руках уже готовый набор возможных сценариев выхода из кризиса. Замечу, что председатель Федеральной резервной системы Бен Бернанке изучал уроки Великой депрессии в США 1929 года и начал готовиться к кризису еще в сентябре 2007 г. [12, С. Б06]. Но помимо этого, здесь заложена ключевая проблема современности: наука критически "не успевает" отслеживать результаты собственных инноваций. Как ее решать? Первое: возродить социальную прогностику в совокупности ее "коротких" и "долгих" прогнозов. Второе: в периоды кризиса социология должна иметь право голоса в принятии тех самых "простых и всем понятных" решений.

Бизнес, население и социология. Меры по поддержке банков, финансовой системы, сети ресурсных потоков современной экономики понятны и необходимы. Но ее главными агентами остаются люди, работники, совокупный человеческий капитал. Что будет с ними? Посмотрим, что происходит сейчас в обществе "больших финансовых потоков". По большому счету, то же, что и до этого: борьба за перераспределение этих потоков, идущая далеко поверх регионов и "мест". Перераспределение, как правило, силовым способом, а также с использованием "личного ресурса" (знакомств) и персональных предпочтений. Населению до этого дела нет. Для социологии это означает, что если она хочет иметь вес в обществе, она должна если не предсказывать, то хотя бы социологически интерпретировать закономерности движения этих потоков и их социальные последствия.

Но вот начался кризис. Жизнь в кредит (компаний, банков и массы физических лиц) закончилась. Началось, как элегантно выражаются наши финансисты, "сжатие" реального сектора экономики, людей труда, производящих потребительские ценности, а не перепродающих произведенное или занимающихся пиаром и рекламой. Потоки, шедшие за рубеж с целью скупки активов иностранных компаний, теперь государство стремится силовым образом направить вовнутрь, чтобы не отдать предприя-

тия и целые отрасли в руки иностранного капитала. Как пишут "Ведомости", если раньше "пользуясь ослаблением доллара и проблемами западных компаний, в 2007 - 08 гг. суверенные фонды охотно скупали акции... в компаниях с мировым именем", то теперь правительства "поддерживают стоимость национальных компаний, не дают национальным активам переходить в чужие руки и поддерживают национальную валюту..." [13, С. А04]. Но поддерживают кого? Те же компании и банки, которые набирали все больше в долг и теперь не способны вернуть кредиты иностранным заимоделателям. Началась жестокая борьба: кто сколько получит, кому дадут в первую очередь, каковы будут у государства преференции, фаворитизм в отношении госкорпораций, сколько денег утечет, проходя через руки посредников. По сути борьба идет опять "наверху": не за сбережение народа, не за повышение производительности труда, сохранение человеческого капитала или переподготовку кадров для рывка модернизации, не за экономию энергии и других ресурсов, а за доступ крупнейших финансовых игроков к "государственному пирогу". Характерно, что термин гражданское общество во всех планах и проектах борьбы с кризисом даже не упоминается. Что вполне логично в обществе "вертикали власти".

Вывод? Можно многократно перенаправлять потоки капитала, тысячу раз провести опрос общественного мнения, но реально интересы людей в этих играх капитала ничего не значат. Нет между ними *обратной связи*, нет между капиталом и трудом связующего звена: массовых общественных движений. Не обязательно против капитала. Для взаимоприемлемых решений. В действительности эти движения есть, страна буквально кипит ими, но власть и СМИ делают вид, что их нет. Кризис наглядно демонстрирует существование в стране "параллельных" обществ. Значит, возвращаемся к К. Марксу? Думаю, далеко не только, но ко всей концептуальной западной социологической литературе от Ч. Тилли до М. Диани [14; 15].

Ситуация в малых городах (с одним градообразующим предприятием или объектом туризма) близка к катастрофической. В первых, если они не принадлежат напрямую самым крупным корпорациям, останавливаются заводы, рабочих переводят на трехдневную рабочую неделю и т.д. В других, где промышленности нет, а есть исторические памятники и уникальные ландшафты, стремятся "раскрутить" их бренды. Малые города европейской России охвачены "эпидемией ребрендинга и перепозиционирования" [16]. Значит, в одном случае существующие ценности приходят в упадок, тогда как в другом им всеми силами пиара стараются придать привлекательность. В обоих случаях речь идет о манипуляциях с *созданными ранее* материальными или культурными ценностями, а не с модернизацией, с восстановлением, развитием или трансформацией существующих.

Типична в этом смысле ситуация с г. Мышкин на Волге. В конце 1980-х гг. г. Мышкин стал известен всей стране благодаря созданному там руками местных активистов историко-этнографическому музею города. Теперь же Мышкин "обязан своей популярностью туроператорам". Как пишут авторы той же статьи, они попросту договорились о прохождении своих туристских маршрутов через город. То есть все опять зависело от крупной компании - никаких инициатив снизу не требовалось, нужны были только рабочие руки, которые тоже часто были завозными, так как для реставрации исторических зданий требуется высокая квалификация. Конечно, привлечь туристов к малым городам России, особенно во время кризиса, - благое дело. Но выгоду от этого в первую очередь получают туристические компании. А что получают жители, например, г. Лермонтова, где брендом будет "парад колясок"? Или "сердечко, пронзенное стрелой"? Составляются также списки агентов влияния для продвижения брендов и т.д.

Как справедливо заметил директор консалтинговой компании, "создать бренд там, где нет понятия, куда развивается город, нет внятной стратегии социально-экономического развития, невозможно. Пока города занимаются только рисованием картинок и пришиванием ярлыков, не подкрепленных содержанием". Именно так и происходит. Что отчетливо видно по сайтам таких городов, где в основном размещена официозная информация. "Раскрутка", приносящая прибыль прежде всего пиар-компаниям, а не

сохранение и мобилизация собственных человеческих сил - таков дух времени. Цена такого пиара, по сравнению со средствами, выделяемыми государством на поддержку отдельных градообразующих предприятий и даже банков, ошеломляющая. Так, "разработка долгосрочной маркетинговой стратегии для города стоит от 100 до 300 млн. евро, а еще от 700 тыс. до одного млн. евро придется потратить на продвижение нового имиджа города, в том числе на рекламу" [16]. То есть выход из кризиса не через развитие реального сектора экономики, а через рекламу и пиар.

И, наконец, самое главное, с моей точки зрения: что, кризис означает отказ от модернизации, от развития человеческого потенциала? Убежден, что это ошибочная точка зрения, иначе мы окончательно перейдем в разряд "вечно догоняющих". Немедленно нужны финансовые вливания и общественная поддержка для создания "анклавов модернизации" и воспроизводящих ее сетей: научных, образовательных, экспериментальных. Для рывка модернизации нужна человеческая, культурная среда, а не только "железо" в вузах, школах и больницах.

Возникает принципиальный методологический вопрос о принципе и модели модернизации. Закрытая или открытая? По испытанному советскому образцу ЗАТО, режимных городов, или "открытая", когда "точки" (анклавы) модернизации связаны со всем миром, включены в глобальные информационные сети? То есть "целевая" или "сетевая" модели развития. Это далеко не праздный и не чисто политический вопрос. Каждая из моделей имеет преимущества. Первая, максимально концентрируя наличные ресурсы высокой квалификации в немногих "точках", дает выигрывать в краткосрочном плане, обеспечивая оборону страны, но оставляет остальную ее часть в прошлом веке. Поэтому я называю ее советской. Вторая, которую я называю средовой, развивается медленнее, но сохраняет человеческий потенциал и культуру всей страны. Человеческие ресурсы для первой сегодня можно просто мобилизовать или импортировать из-за рубежа (что уже практикуется), для второй - придется производить уже сейчас, начиная с младших классов школы. Мы до сих пор в той или иной мере шли по первому пути, индустриально развитые страны - по второму. В прошлые эпохи моторами перемен были революции и социальные движения. Сейчас не они и даже не политические партии, а властвующая элита пытается смягчить кризис, оставляя рядовым гражданам роль просителей или зрителей. Но если власть не дает человеку реализовать его потенциал, то он деградирует. Чтобы быть готовым к переменам, он должен участвовать в разрешении кризиса и чувствовать за это ответственность. Наконец, о социальной ответственности бизнеса. Нашими социологами много написано об этом. Я всегда мало верил в эти его благие намерения, чему приходят подтверждения сегодня: большой бизнес прежде всего спасает себя и свои активы, ему государство дает деньги на поддержание производства, снижает налоги, а он их переводит в зарубежные банки и офшоры, увольняет или переводит на сокращенную рабочую неделю персонал, сбрасывает социалку и прочие, с его точки зрения, "непрофильные активы" (программы поддержки образования и здравоохранения) на слабые плечи муниципалитетов и т.д. И, наконец, просто уходит из этого города или региона, оставляя после себя развалины. И что простому люду - опять на огород, в лес по грибы или челночить, как 20 лет назад?

Есть еще один вопрос, который не дает мне покоя. Ю. А. Левада много писал о двоемыслии народа. Не пора ли нам подумать о двоемыслии в нашей собственной среде? Двоемыслии тех из нас, которые, с одной стороны, укрепляют потребительски ориентированную систему "властесобственности", занимаясь маркетингом, пропагандируя жизнь в кредит, пропагандируя через СМИ мгновенный успех безо всяких усилий, а с другой, - обвиняют народ в пассивности, агрессивности, стяжательстве и других грехах? Не пора ли составить "фото-робот" социолога, кормящегося из рук власть предержащих? И еще. Все мы должны время от времени смотреть в "зеркало заднего вида", соотнося, что мы предполагали (если мы действительно что-то прогнозировали, а не только фиксировали) и что получилось на самом деле.

Экологическая составляющая кризиса. Наши лидеры в трудную минуту о ней даже не вспоминают. Валлерстайн и другие западные социологи специально выделяет экологическую составляющую кризиса. Капитал всегда жил за счет экстернализации издержек, то есть перекладывая их на слабые плечи бедных стран. Это означало, что "экологическая база мироэкономики постоянно сокращалась". В результате возможны три траектории: торможение экономики, "крушение политической системы" и экологическая катастрофа (глобальное потепление). Или мир серьезно отнесется к проблеме "экологической цены" своего развития, серьезно умерив потребительские аппетиты. Валлерстайн называет их поименно: прекращение раздувания бюрократической машины, воздержанность и умеренность [3, с. 34]. Но откуда они возьмутся эти "воздержанность и умеренность"? Ведь и Запад, и мы вслед за ним - от госкорпораций и большого бизнеса и до рядовых граждан - жили последние год в "в кредит", совершенно не думая о том, как и когда отдавать долги. Ситуация виделась как прямая дорога "вверх". Для социологии этот вопрос звучит так: может ли она систематически работать "на опережение"? Вопрос, которым, к сожалению, сегодня задаются не российские, а западные социологи.

Приведу логику рассуждений, относящуюся к проблеме экологической модернизации, но имеющую прямое отношение к обсуждаемой теме общего кризиса. "Климатические изменения, с которыми сегодня столкнулось общество, - пишет американский социолог С. Бречин, - являются наиболее серьезным вызовом ему и более, чем достаточны, чтобы мобилизовать мир и множество его сообществ быстро и осознанно. Однако отвечать придется на условия, еще не полностью себя обнаружившие, то есть представляющие собой "вызов приготовления", а не просто "реакцию". Вероятно, что только тогда, когда глобальные сообщества, реструктурированные самим человеком, серьезно изменят ход природных процессов, мы сможем увидеть возникновение новой фокальной точки в нашей дисциплине. Большинство людей в богатых и мощных северных странах реально не ощущают, что они живут "на краю". Экологические проблемы воспринимаются просто как некий шум за сценой" [17, р. 467].

Некоторые, говорит Бречин, считают, что чтобы ситуация улучшилась, она сначала должна ухудшиться. Однако, это - самый коварный аспект такой логики: если условия ухудшатся достаточно серьезно, легких средств для ""выздоровления" уже не будет. ...Следовательно, мы можем оказаться в совершенно незнакомой ситуации. Значит, наши социальные и политические институты должны начать действовать до того, как "проблема" станет проблемой. Делалось ли это когда-нибудь? Существовали ли такие прецеденты ранее? ...Может ли рынок работать в таком "опережающем время" режиме без политических побуждений?"

"Социология мейнстрима и социологи, - продолжает он, - внесли большой вклад в эту дискуссию. Однако... я не вижу, чтобы социология сделала серьезные шаги также и в этом направлении. Почему? Сначала должны произойти некоторые серьезные перемены в самом обществе. До сих пор нашей дисциплине не было брошено серьезного вызова, ни извне, ни изнутри нее самой... Доминирующие коалиции и их статус не были затронуты. Я не вижу никакого грядущего изменения в констелляции интересов, предполагающих радикальные перемены в будущем. Глобальный терроризм, как и климатические изменения, также обладает потенциалом для радикальных изменений нашего социального мира... Однако я также не вижу, чтобы социология мейнстрима сконцентрировалась на этой теме" [17, р. 471]. Мало обнадеживающий прогноз на фоне других, весьма критических соображений.

О том, что российское общество фактически не модернизируется и становится все более зависимым от внешних угроз, я уже писал неоднократно. Вот мои предположения 2007 года: (1) растущая зависимость государства и общества от глобального и быстро меняющегося контекста, все меньшая предсказуемость, все большая вероятность новых угроз и потерь; (2) понижение профессионального и культурного потенциала общества, переход науки на роль сервис-сектора, занимающегося прикладными разработками в интересах государства и транснационального капитала; (3) дальней-

шее развитие рынка ("маркетизация"), превращение все новых элементов общественного богатства (прежде всего земли, но также воздуха, воды, людей и их органов) в товар; (4) расширение и укрепление государственной машины. Именно циклы смены правящей элиты и ее интересов будут иметь главенствующее значение для социологических прогнозов; (5) гражданское общество будет терять свой статус независимого социального актора, подчиняясь всеохватывающим процессам маркетизации [18, С. 36 - 37]. Зависимость и неустойчивость - предвестники кризиса.

Я разделяю методологию прогнозирования, сформулированную А. Здравомысловым. Во-первых, теория, претендующая на прогноз, должна исходить не столько из желаемого будущего, сколько из действительного настоящего. Во-вторых, она должна опираться на историческую социологию применительно к России, базирующуюся на анализе решающих событий истории данной страны в их реальной взаимосвязи. В-третьих, должен быть принят во внимание контекст глобализации в его внешних и внутренних аспектах. Наконец, "взаимодействие трех полей - поля политики, поля экономики и поля культуры в рамках страны и межкультурных влияний - не следует выпускать из поля зрения исследователя" [19, С. 53].

Наконец, о фазах маркетизации, то есть превращения в товар, что имеет принципиальное значение для нашей темы. По Буравому, их три: маркетизации, труда, затем - денег и, наконец, коммодификация природы, под которой Буравой понимает землю, природные ресурсы, обжитую среду и тело самого человека. На то, что последнее все чаще становится объектом изощренной эксплуатации, обращают внимание и другие западные социологи [20]. Третья волна маркетизации имеет глобальный характер. Поэтому и ответ на нее, говорит Буравой, не может быть ограничен локальными действиями - он должен быть также глобальным. При чем здесь социология? А при том, что в этом случае "традиционный" публичный социолог, который адресуется к широкой (но очень тонкого слоя), невидимой, анонимной, пассивной и, как правило, ориентированной на мейнстрим аудитории, должен уступить место "органическому" публичному социологу, который непосредственно связан с той массой публики, которая им видима, локальна, активна и часто противостоит мейнстриму. Чтобы противостоять третьей волне маркетизации, мы должны выйти за пределы наших внутренних профессиональных дискуссий и повернуться "наружу", не как "слуги к власти", а как действительно публичные социологи, собеседники (interlocutors) в различных группах населения, которые были накрыты этой третьей волной [21, р. 355 - 357].

Итог и перспектива. Что же такое современный кризис, с моей точки зрения как социолога? Это, по моему мнению, плата за бездумное следование модели потребительского общества, заимствованной в США. Это также плата за "зонтичные исследования", отказ от углубленной работы над теорией общества, которое строится в России. Наши социологи, как правило, избегают политико-идеологических вопросов. Это, наконец, забвение ими своей гражданской обязанности - критического взгляда на общество и донесения его до публики, чем всегда отличалась русская социология, начиная с Н. К. Михайловского и А. И. Герцена.

Считаю, что разработка методов и теории построения прогноза и сценариев развития мира и России чрезвычайно актуальны для российской социологии. Перед ней открывается огромное проблемное поле: трансформация глобального миропорядка. Обозначу его некоторые проблемные "узлы": усиление давления изменяющейся экономики на социум, развитые страны против развивающихся, международное регулирование против национального суверенитета, свобода торговли против протекционизма, риски глобального изменения климата и, наконец, грядущий передел ресурсов планеты. Если мы не сможем работать в "опережающем режиме", не создадим вновь социальную прогностику - окажемся в роли уже не "догоняющих", а отставших навсегда.

Пора, наконец, оценить социальные и экономические потери, которые несет нам третья волна маркетизации, особенно в отношении нашей ключевой проблемы: соотношение "население-территория". Потеря качества жизни вследствие всеобщей маркетизации - угроза здоровью и безопасности общества. Особый риск в том, что ком-

модификация среды обитания проявляет себя косвенно, поскольку скрыта за показателями роста заболеваемости, смертности, миграций и т.д. Значит, социальные последствия изменения связки "среда обитания-человек" должны быть оценены *до того*, как они станут необратимыми. То есть предсказаны, спрогнозированы. Для защиты человечества от глобальных природно-климатических сдвигов "подушки безопасности" не существует. Всемирное поддержание местной производительной жизни, ее связи с природным и рукотворным ландшафтом - важнейшее условие сохранения народа и страны в целом, социальной идентичности ее граждан.

Чтобы сделать это, придется вернуть в нашу социологию понятийный аппарат, исключенный из оборота в годы реформ (капиталистический способ производства и его типы, эксплуатация, человеческий капитал, рабочий класс, "товарность природы", безработица, унижение и социальная деградация, и многое другое). А также ввести такие понятия, как сетевые системы, мультисубъектное и многоуровневое регулирование (governance). Эти сдвиги неизбежно затронут сердцевину метода социологии, прежде всего социологии институтов и управления. Социология также уже не сможет обойтись без *социальной интерпретации* естественнонаучного знания и технологических инноваций в контексте культуры и властных отношений. Понятие общего блага должно быть реабилитировано. Но все это можно сделать, если наша социология будет действительно публичной. Публичность предполагает не только общедоступность, но и отказ от дисциплинарной зашоренности. Если вы не "владеете вопросом", а он никогда не бывает чисто социологическим, то вам нечего делать на публичной трибуне. Или быть только факиром, вбрасывая в аудиторию тот или иной набор цифр. Главная же задача публичного социолога: *стать вровень с публикой* и начать разговаривать с нею. На равных. Нужны чувство аудитории, ее резонанс. Особенно во времена кризиса. Я всегда предпочитал прямой диалог с нею в режиме "вопрос-ответ". Публика не так глупа, как ее представляют в медийных ток-шоу. Просто у нее часто *другие приоритеты* и другое видение проблем, чем те, которые видятся нам с "социологического Олимпа". Надо понимать язык, строй мыслей аудитории. Надо, не теряя профессионализма, уметь быть "народником" и не бояться этого. М. Буравой прав: "глобальную социологию" надо конструировать снизу.

Социолог не только вправе влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения - он обязан это делать. Я никогда не смог бы стать специалистом по российским общественным движениям, если бы не был включен в их деятельность. Все дело в мере и формах этого включения. С 1991 г. в течение четырех лет я под руководством А. Турена и М. Вевёрки работал с самыми разными группами общественных движений по их методике "социологической интервенции". Это огромный опыт и навык публичного общения на всю жизнь. По сути всякое социальное изменение - публичный процесс, и если вы не знаете, как в него войти, то лучше отойти совсем. Сегодня жизнь обгоняет наши схемы: уже есть группы российских ученых-адвокатов, включая наших близких коллег - социологов, юристов, экономистов и экологов, которые вместе с рядовыми жителями отстаивают их фундаментальное право на жизнь, на безопасную среду обитания, не переставая быть учеными. *Участие* - гражданский долг социолога, важно для себя понять, что это - режим диалога, а не урок ботаники для первоклассников [22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости. 2008. 14 ноября. С. А03.
2. Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia. С. 349 - 363.
3. Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС. 2003.
4. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS. 2003.
5. Smith D. Editorial: Beyond Greed, Fear and Anger // Current Sociology. 2008. No 3. Pp. 347 - 350.

6. *Иноземцев В., Кричевский Н.* Экономика предложения // Ведомости. 2008. 10 ноября. С. А03.

стр. 12

7. *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН. 2006.

8. *Радаев В. В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии? М.: ГУ-ВШЭ. 2008.

9. Ведомости. 2008. 10 ноября. С. А01.

10. *Прохоров М.* Психология момента: матрица перезагружается // Ведомости. 2008. 11 ноября С. А05.

11. *Гончарова О.* Работа где-то рядом // Ведомости. 2008. 11 ноября С. А07.

12. *Хильзенрат Д., Соломон Д., Палетта Д.* В режиме кризиса //Ведомости. 2008. 12 ноября. С. Б06.

13. От редакции // Ведомости. 2008. 12 ноября. С. А04.

14. *Tilly Ch.* Social Movements, 1768 - 2004. L.: Paradigm Publisher. 2004.

15. *Delia Porta D., Diani M.* Social Movements (2 revised and expanded edition), Oxford/Maiden, MA: Black-well, 2006.

16. *Горелова Е., Морозова Е.* Здесь будет город-бренд // Ведомости. 2008. 10 ноября. С. Б08.

17. *Brechin S. T.* Ostriches and Change: A Response to "Global Warming Sociology" // Current Sociology. 2008. No 3. Pp. 467 - 474.

18. *Яницкий О. Н.* Будущее России: прогностический потенциал социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М. 2007. С. 24 - 39.

19. *Здравомыслов А. Г.* Ожидание будущего и его прогноз (социологические аспекты) // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М. 2007. С. 40 - 54.

20. *Kalekin-Fishman D., Langman L.* Introductory Background // Current Sociology. Vol. 56. No 2. Monograph 2. July. 2008. pp. 507 - 516.

21. *Burawoy M.* What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // Current Sociology. 2008. Vol. 56. No 3. Pp. 351 - 360.

22. Ознакомившись в верстке со статьей "За профессиональную публичную социологию" Ж. Т. Тощенко и Н. В. Романовского в предыдущем номере "Социологических исследований", с удовлетворением констатирую практическое совпадение наших позиций.

стр. 13